

Romanas Radovičius – istorijos mokslų daktaras, Ukrainos nacionalinės mokslų akademijos Liaudies kultūros instituto mokslo darbuotojas.

Moksliniai interesai: istorija, etnologija, liaudies kultūra.

Adresas: 15 Svobody Avenue, Lviv, 79000, Ukraine.

Roman Radovich: PhD in History, researcher of the Folk Culture Institute, Nacional Academy of Sciences of Ukraine.

Research interests: history, ethnology, folk culture.

Address: 15 Svobody Avenue, Lviv, 79000, Ukraine.

Роман Радович

Институт народоведения Национальной академии наук Украины

РАЗВИТИЕ ИНТЕРЬЕРА ПОЛЕССКОГО ЖИЛИЩА: ЭВОЛЮЦИЯ «МЫСНЫКА» (ПОСУДНОГО ШКАФА)

Anotacija

Straipsnyje aptariama Polesės regione naudoto baldo – indų spintos – istorija, funkcijų bei sandaros kaita. Išskiriami du būdingiausi šio baldo tipai – archajiškasis ir naujesnis (modernesnis).

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Polesė, būstas, interjeras, lentyna, spintelė.

Abstract

In the article, separate stages of the evolution of the cupboard («mysnyk») in the Polissia dwelling are considered. It was established that at first its functions were performed by a system structurally connected with a log-house «hriad» (decks or beams), which were gradually transformed into «hriady»-shelves. The shelves placed on the threshold and facial walls were one of the oldest, and the initial stage of the genesis of «myshynyk», which later took their place, is connected with them. At Polissia two types of «myshynyk» has been developed: stationary – structurally associated with a log-house or «lava» (older), and mobile, mostly hinged (of a new origin).

KEY WORDS: Polissia, dwelling, interior, «ridge», pole, regiment, «pinnacle».

doi:<http://dx.doi.org/10.15181/rh.v22i0.1623>

Типичный интерьер избы украинского крестьянина XIX – нач. XX вв. с одним лишь жилым помещением формировался на протяжении веков и характеризовался определенным набором предметов, их расстановкой, а также системой отопления и освещения.

О внутреннем оборудовании жилища древнерусского периода (как и более раннего времени) с территории Украины имеем достаточно поверхностные данные. Единственным достоверным источником по этому вопросу могут служить археологические материалы. Обнаруженные остатки мебелировки жилищ X–XIII (как и VIII–IX) вв. археологи идентифицируют как лавы и пол-лежанку (Сергеева 1999, 72; Филипчук 2012, 170–172). Причем, по их мнению, основу интерьера жилищ древнерусского времени (X–XIII вв.) составляла деревянная мебель, конструктивно связанная со стенами избы или установленная на вкопанных в землю ножках (Сергеева 1999, 72). Нередко ее функцию исполняли пристенные материковые возвышения¹. Хотя уже с VIII–X вв. (по крайней мере, в некоторых местностях Украины) археологи обнаружили остатки лав (на четырех ножках, задолбленных в доску), которые, по их мнению, были мобильными (Филипчук 2012, 170). Что касается размещения пола-лежанки, то как в жилищах VI–VII вв., так и в жилищах VIII–X вв., в которых печь находилась в одном из углов (при стене напротив входа) и была повернута в его сторону устьем², лежанка занимала все пространство при этой стене сбоку от печи. Таким образом, вся задняя стена жилого помещения была занята лежанкой и печью (Баран 1991, 107; Филипчук 2012, 171–172). Согласно материалам украинского ученого Михайла Фылыпчука в жилищах VIII–X вв. ширина лежанки колебалась в пределах 1–1.3 м, а ее длина в среднем составляла 1.8–2 м (Филипчук 2012, 171). Размеры такой лежанки, обугленные остатки которой удалось обнаружить в одном из жилищ VIII–X вв. городища Монастырек, составляли 1.2 x 2.2 м (Петрашенко 2005, 124). В то же время, в жилище XI–XII вв. изурочища Пидтополэвэ (возле с. Григоривка на Днестре) обнаружены остатки помоста-лежанки длиной

¹ Параметры таких возвышений составляли: высота – 20–40 см, ширина – 30–70 см (Раппопорт 1975, 129); ширина – 1 м, высота – 0.55–0.6 м (Аулих 1963, 378).

² Такой вариант пласировки преобладал на основном пространстве восточнославянского массива с VI по X вв. (Раппопорт 1975, 137–139).

2.3 м и шириной 0.8 м. Его составляли четыре доски, ограниченные сужной стороны квадратным в поперечном разрезе брусом (Петрашенко 2005, 146). Что касается лав (лав-лежанок), то как в жилищах VI–VII, так и VIII–X вв. они (одна или две) размещались вдоль стен и занимали противоположный печи угол (Баран 1991, 107–108; Баран 1988, 41–45; Филипчук 2012, 171). Зато в жилищах XI–XIII вв., где печь размещалась в углу возле входа и была повернута к нему устьем, лавы (одна–две) и пол-лежанка занимали уже те же места, что и в традиционной украинской хате XIX – нач. XX вв. (Петрашенко 2005, 146; Сергеева 1999, 73). Что касается стола, с территории Украины нет археологических данных о его наличии как в древнерусских, так и в более ранних жилищах (Сергеева 1999, 72–73; Моздир 2008, 164–165)³. Зато отдельные археологические находки дают основание для предположения о наличии в жилище того времени (по крайней мере, в отдельных случаях. – *Р. Р.*) примитивного прабобраза посудного шкафа – «мысника»–полки, который занимал традиционное для украинского жилища XIX – нач. XX вв. место возле печи (при пороговой стене, по другую сторону двери от печи. – *Р. Р.*) (Баран 1988, 125–126; Сергеева 1999, 73)⁴.

Об оборудовании внутреннего пространства сельского жилища украинцев XVI–XVII вв. также имеем достаточно фрагментарное представление, что обусловлено состоянием источников. Скажем, при описании курной избы из Среднего Поднепровья шведский посол Конрад Гильдэнбрант (1656–1657 гг.) кроме печи, в которой пекут и

³ Только на основании материалов боршевских поселений VIII–X вв. из Подонья в России (углубления от столбов, размещенные в определенном порядке) археологи гипотетически реконструируют их как столешню, установленную на вкопанные в землю ножки (Сергеева 1999, 73; Ефименко 1948, 30–31, 62, 78; Москаленко 1965, 183, 215). Однако ученые отмечают, что такой стол еще «не имел постоянного места в красном углу» (Сергеева 1999, 73). Еще более гипотетическим является стол, реконструированный украинским археологом Володымыром Бараном в интерьере жилищ Пражско-Корчацкой культуры VI–VII вв. (как и наличие «святого кута по диагонали от печи») (Баран 199, 107–108 (Рис. 30); Баран 1988, 41–45).

⁴ Марина Сергеева опирается на находку из поселения Чучын XII ст. (ныне с. Балышко-Щучынка Кагарлицкого р-на Киевской обл.): «Это была доска, недалеко от входа, на которой стояли кувшины. Сохранность кувшинов свидетельствует о том, что полка размещалась невысоко над полом, предположительно, на высоте лавы...» (Сергеева 1999, 73).

варят, а также «сверху на ней, на овечьих шкурах (на старых козухах) спят дети и прислуга», вспоминает своеобразную кровать – «подмосток на возвышении» («возвышенный топчан», где спят хозяева) и «широкие лавки» (Олянчин 1937, 56, 59). В некоторой мере дополнением оборудования интерьера сельского жилища того периода могут служить синхронные во времени описания «курных» (рудных) изб, в которых жила замковая прислуга и которые, по мнению украинского исследователя Мыколы Прыходька, мало чем отличались от сельских. Опираясь на описания замковых сооружений («Описание Остерского замка 1652 г.» (юго-запад Левобережного Полесья. – Р. Р.) и др.) исследователь отмечает в их интерьере «...стиль, навколо пид стинами лавки и скамйи, невыбаглывий посуд у мыснюку вздовж пэчи» (Прыходько 1975, 256–257).

Набор и размещение основных предметов внутреннего оборудования полесской избы XIX – нач. XX вв. (лав, пола, полук, стола, печи) в общих чертах соответствовало общеукраинскому [30, с. 389–390], однако вследствие влияния определенных факторов интерьер того времени отличался особенностями, характерными собственно этому этнографическому региону. Скажем, еще во второй пол. XIX – нач. XX вв. на Полесье сосуществовало курное, полукурное и «чистое» отопление, что непосредственно влияло на специфику интерьера местного жилища.

Иллюстрацией внутренней обстановки «курной» избы XIX в. южной части Полесья может служить достаточно подробное описание (1854 г.) из с. Яполоть Костопольского р-на Ровненской обл.: «[...] Деревянного пола в избе никогда нету. Окна малые квадратные, не более 4-х в избе. [...] Против печи светоч. [...] Потолок и верхние стены черные от дыма. Над столом под самым потолком на всю ширину дома ложат 5 или 6 круглых жердей (всегда черных от дыма), на которых сушат лен и пеньку, а также вешают колыбели для детей. Постель [...] на день выносят из избы от дыма... вследствие дыма и большого количества тараканов редко в избах бывают иконы. За столом в углу на покути стоит дежа с хлебным квасом, стол постоянно накрыт скатертью и на нем всегда лежит хлеб» (Зеленин 1914, 308). Такой же простотой отличался интерьер курной избы и на севере полесского края (Слонимское Полесье, Беларусь; 1903 г.): «[...] Пола в избах нет,

вместо него глиняный «ток» [...] Вдоль стен избы тянутся «лавы», а за печью кроме лавы, на одном уровне с нею, ложатся широко доски – «пол». Над лавами по длине избы тянутся под потолком тонкие круглые балочки, по две приодной и другой стене. Концы их врублены в поперечные стены. Наних кладут «жердки», которые поддерживают колыбель, подвешивают на них белье для просушки, лучину, лен и др. [...] В избе кроме стола, скамьи и лав ничего нет. Стены голые: ни икон, ни картин нету, только местами видно деревянные «крючки», вбитые в стены: на них висит то шапка, то кошелка, то «ручник» и т. п. [...] стены и потолок чернее сажи от дыма [...] Глиняные кувшины, миски, деревянные ложки [...] ведро возле порога с водою и с «корцем» [...] Украшений в домах нет. Даже во многих домах нету икон» (Шейнь 1903, 359–362).

Верхнее пространство жилой камеры в «курных» избах (вследствие постоянного дыма и копоти) использовали достаточно ограниченно. Однако уже в таких постройках существовали свои вариации. Скажем, как отмечал Павло Чубинский, в отдельном селе можно было встретить курную избу с потолком и без него (в последнем случае конструкции потолка и крыши были совмещены. – *Р. Р.*) (Чубинский 1877, 389). В то же время высота жилой камеры с плоским потолком могла колебаться в достаточно существенном диапазоне – от двух до трех с половиной, а то и четырех метров⁵. Понятно, что в помещении повыше, где зона копоти начиналась выше, можно было в большей мере использовать верхнее пространство.

С ликвидацией курной системы жилое помещение освободилось от дыма (а соответственно и от копоти). Постепенно происходит сегментация функций печи: в интерьер входят обогревательная «грубка» и кухонная плита для приготовления пищи. В оборудовании внутреннего пространства шире начинают использовать художественные ткани, более модную (мобильную) мебель, нередко декорированную контурной, сквозной резьбой и т. п. Внутренние стены и потолок такой избы уже моют (Сербов 1915, 12) или забеливают белой глиной (Гудченко 1997, 300–307; Локотко 1991, 151; Мошков 2012, 184).

⁵ Например, рядом с низенькими рудными жилищами, высота которых немногим превышала три аршина (Косичь 1906, 87), встречались постройки высотой пять аршин (Зеленин 1914, 307) или девять локтей (Stecki 1864, 259).

Таким образом, наличие и специфика отдельных компонентов, которые заполняли внутреннее пространство полесской избы, их более примитивные и модернизированные формы в значительной мере зависели от специфики системы отопления. В предлагаемой работе мы рассмотрим лишь те элементы интерьера, которые некоторым образом связаны с развитием и становлением в полесском жилище шкафа для хранения посуды – «мысника», то есть «гряды» (балки, размещенные высоко под потолком), разнообразные жерди, примитивные полки и др.

К наиболее давним стационарным (неподвижным) элементам внутреннего оборудования жилой камеры относятся «гряды» («греды», «сволока», «балькы», «обалькы», «балкы ти, шо вишають шмати»). Их изготавливали из колод (диаметром 12–15 см), тесаных брусьев, колотых пластин или «лупанок» (последние укладывали заокругленной частью к низу) и стационарно зарубали в продольные и поперечные стены помещения непосредственно под потолочными балками («сволоками») или на незначительном расстоянии от них. «Гряды» под различными названиями встречались как на Полесье Украины (Данилюк 2001, 54; Свирида 1979, 60–61), так и Беларуси (Шейнъ 1903, 360–361). Отдельные их реликты в жилищах XVIII–XIX вв. зафиксированы нами⁶ и другими исследователями⁷ на Западном и Среднем Полесье Украины. Необходимо отметить, что эти элементы присутствовали уже в избах архаической конструкции с трехугольным или трапециеобразным потолком (с. Овсэмырив бывшего Столинского уезда (Dmochowski 1937, 199 (Rys. 113), 200 (Rys. 114)), а также и в

⁶ Хаты: кон. XVIII – пер. пол. XIX вв. в с. Гиркы Любешовского р-на, пер. пол. – сред. XIX в. в с. Ракив Лис Камень-Каширского р-на Волынской обл.; второй пол. XIX в. в с. Радовэль Олевского р-на, второй пол. XVIII – нач. XIX вв. в с. Топильна Лугинского р-на, сред. XIX в. в с. Пидлубы, второй пол. XIX в. в с. Сэрэда Емильчинского р-на Житомирской обл.; сред. – второй пол. XIX в. в с. Князівка Березновского р-на, пер. пол. – сред. XIX в. в с. Воронки Володимирецкого р-на, пер. пол. – сред. XIX в. в с. Сновыдовичи (хутор Мэдыкы), сред. XIX в. в с. Сновыдовичи (хутор Пэрэсочна), второй пол. XIX в. в с. Томашгород (хутор Крыва Слобода) Рокитновского р-на Ровненской обл. и др.

⁷ Хаты: 1819 г. в с. Залысы Ратновского р-на Волынской обл., XIX в. в сс. Журжэвычи, Собачын Олевского р-на, Злобычи Коростенского р-на Житомирской обл. и др. (Данилюк 2001, 54; Данилюк 2002, 7; Сивак 2003, 148; Таранушенко 2012, 54; Таранушенко 1969).

Фото 1. «Гряды», используемые в качестве
полок в избе сред. XIX в.;
с. Сэрэды Емильчанского р-на Житомирской обл.

хозяйственных клетях аналогичной конструкции. «Гряды», конструктивно связанные со срубом, характерны идля домов Карпатского региона (Кіщук 1983, 166), где их иногда оборудовали еще в избах начала XX в.

Что касается размещения в жилой камере, то в известных нам случаях чаще всего по одной «гряде» врубали при «*тыльний*» и «*лицевий*»⁸ стенах (сс. Гирки Любешовского р-на Волынской обл.; Журжэвычи, Собачын Олевского, Топильня Лугинского, Сэрэды Емильчинского р-нов Житомирской обл.; Князивка Березновского, Сновыдовычи (хутор Мэдыкы) Рокитновского р-нов Ровненской обл.). Это можно наблюдать также в домах П. Мозиля и Д. Жовнерыка, перекрытых трапециеобразным потолком, из с. Овсэмырив, описанных Збигневом Дмоховским (Dmochowski 1937, 199 (Rys. 113), 200 (Rys. 114)). По две такие круглые балочки под потолком у продольных стен, концы которых врублены в поперечные стены, исследователи фиксировали на

⁸ «*Лицевою*» полещуки называли стену на главном (длинном) фасаде жилища, а противоположную ей стену – «*тыльною*». Стена, в которой находилась входная дверь в жилую камеру, носила название «*порогова*», противоположная ей (боковая) – «*прывчилкава*».

Слонимском Полесье: с. Жытлын (Шейнь 1903, 360–361). Часто в помещении присутствует лишь «*гряд*», которая размещена при тыльной стене (сс. Ракив Лис Камень-Каширского р-на Волынской обл.; Злобычи Коростенского, Радовэль Олевского, Пидлубы Емильчинского р-нов Житомирской обл.; Сновыдовычи (хутор Пэрэсочна), Томашгород (хутор Крыва Слобода) Рокитновского р-на Ровненской обл.). Только в одном случае в небольшой за размерами (4.35 x 4.29 м) избе пер. пол. – сред. XIX в. (с. Воронки Володимирецкого р-на Ровненской обл.) обнаружено пару брус-«*гряд*» (16 x 10 см), приближенных к лицевой стене. В то же время в единичном случае (хата 1819 г. из с. Залисы Ратновского р-на Волынской обл.) зафиксировано размещение двух «*гряд*» (по одной вдоль боковой («*прычылковойи*») и запечной («*тыльнойи*») стен) (Данилюк 2001, 54; Данилюк 2002, 7).

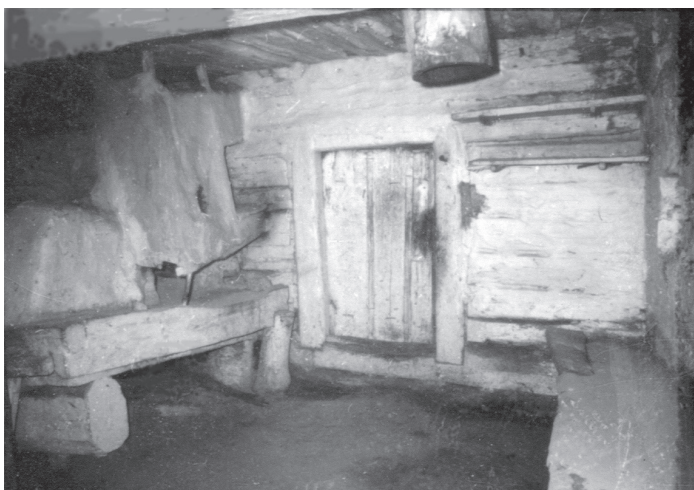
«*Гряды*» могли сохранять форму цельной колоды (сс. Залисы, Журжэвычи) или изготавливаться из протесанных на четыре стороны брусьев: сс. Гиркы, Воронки, Собачын, Радовэль, Сэрэды (разрез брусьев – 15 x 15 см: с. Гиркы; 10 x 16 см: с. Воронки). Однако полешуки часто придавали им форму пластины-полки: сс. Топильня (16 x 10 см), Князивка (20 x 8 см), Пидлубы (22 x 8 см); Сновыдовычи (22 x 9 см). Иногда такая полка была значительно шире. Скажем, в избе сред. XIX в. (с. Злобычи) «*гряда*»-полка («*обальок*»), размещенная при тыльной стене хаты, имела ширину 40 см и толщину 5 см (Сивак 2003, 148). «*Гряды*» размещали непосредственно под поперечными «*сволокамы*» (сс. Гиркы, Топильня, Князивка) или нечто (на 15–20 см) ниже их (с. Ракив Лис). От соответственной стены их отодвигали на 10–25 см (сс. Журжэвычи, Собачын, Гиркы, Князивка, Топильня)⁹. Только в избе пер. пол. – сред. XIX в. из с. Воронки пара брусьев-«*гряд*» размещена на расстоянии 80 см от «*лыцевойи*» стены (промежуток между «*грядами*» составляет 37 см). В то время, когда «*грядам*», изготовленным из достаточно массивных брусьев или колод, дополнительной опоры не требовалось, «*гряды*»-полки дополнительно поддерживали еще 2–4 колка (в зависимости от длины помещения), вбитые в стену (сс. Топильня, Пидлубы).

⁹ Например, в селах Гиркы, Князивка полка-«*гряда*» отодвинута от стены на 20 см, в с. Топильня – на 9 см.

В рудных избах «*гряды*» служили для оседания на них сажи (Свирида 1979, 61). Вместе с тем, они использовались в качестве жердей или полок: на них ставили корыта («*ночвы*») для теста, пряжу, гребень, здесь сушили лучину, дрова, обувь, а над верхней частью («*черинню*») печи – лук, семена и т. п. (Сивак 2003, 148). В случае присутствия «*гряд*» при двух параллельных стенах на них (при необходимости) в разных местах (к примеру, над печью (Dmochowski 1934–35, 200 (Rys. 114)) опирались подвижные жерди. На этих «*жэрдках*» подвешивали колыбель, просушивали белье, лучину, лен и др.: Слонимское Полесье (Шейнь 1903, 360–361). Похожее их использование в рудной избе засвидетельствовано в цитируемом выше описании (1854 г.) избы из с. Яполоть Костопольского р-на Ровненской обл. (Зеленин 1914, 308).

Для интерьера традиционного полесского жилища характерна целая система разнообразных по конструкции и назначению жердей (в отличие от основной территории Украины, где их было в основном только одна–две) (Миронов 1987, 121). Как и «*гряда*», стационарное крепление имела также и «*жэрдка-пэрэсувка*», «*носуля*» (Ровненская обл.), один край которой крепили к печному столбу, а другой врубали в «*прычилкову*» стену (на ней плели волоки для постолов, сновали и плели рогожи, подвешивали колыбель и т. п.) (Миронов 1987, 121; Свирида 1979, 61]: сс. Половли, Мульчыци Володимирецкого р-на Ровненской обл. (Свирида 2012, 76); Коротычи (Dmochowski 1934–35, 319 (Rys. 10)), Овсэмырово (Dmochowski 1937, 199 (Rys. 113), 200 (Rys. 114)) Столинского р-на Брестской обл. (Беларусь); Бэрэзняки (Житковицкий р-н Гомомельской обл.; Беларусь) (Dmochowski 1937, 203 (Rys. 118)). На Полесье Беларуси ее называли «*билом*» (Сербов 1912, 312). Другую группу жердей представляли тонкие жерди-сушилки («*баличка*», «*било*»), которые размещались над печью (над шестками при тыльной стене), а также повсеместно распространенные жерди-вешалки («*жэрдка*», «*било*», «*брусок*», «*вишалко*», «*вишалка*», «*жорстка*») над спальным «*полом*» (Миронов 1987, 121; Свирида 1979, 61). Их крепили на «*гужвах*», специальных крючках-надыбках («*крюках*»), так называемых «*вухал*» или укладывали на прибитые к стенам бруски («*глыци*») (Свирида 1979, 61). Специальная жердь («*грядка*»), закрепленная поперек к «*сволоку*» напротив одного из окон

Фото 2. Полки в интерьере избы второй пол. XIX в.;
с. Блажовэ Рокитновского р-на
Ровенской обл. (фото С. Вэрговского)

«лицевой» стены, использовалась для подвешивания «кросэн» (ткацкого верстака). Напротив нее в землю вкапывали две сошки для оборудования ткацкого верстака (Свирида 1979, с. 61).

Одним из достаточно давних элементов оборудования внутреннего пространства избы является полка («польця»). В жилой комнате, как обычно, полок было несколько (Харузинь 1907, 304). Скажем, описывая Припятское Полесье, Адам Киркор отмечал «по углам» избы полки, на которых «стоят различные миски и утварь», (Киркор 1882, 346). Заметим, что в более давних сооружениях функцию полок частично исполняли «гряды». Причем в «курном» (рудном) жилище «греды» (пары круглых балочек «под потолком [вдоль] продольных стен») могли быть единственными элементами интерьера, которые исполняли роль полок (например, на Слонимском Полесье (Шейнь 1903, 359–362)). Рассматривая различные формы «гряд», можно проследить процесс трансформации «гряды»-колоды или «гряды»-бруса в широкую (до 40 см) «гяду»-полку, врубленную концами в две противоположные стены и дополнительно поддерживаемую вбитыми в стену колками. Скорее всего, собственно такую широкую полку-«гяду», которая находилась высоко под потолком (на ней сушили лучину), и

Фото 3. Полка в избе сред. XIX в.;
с. Вэлыки Цэпцэвычи Володимирецкого р-на
Ровенской обл.

подразумевал А. Киркор, описывая жилище надприпятских полещуков (Киркор 1882, 346). В тех случаях, когда потолок избы поддерживали комбинированные балки – «сволоки» (Киевская, Житомирская, Черниговская обл.), в качестве полки частично использовали и продольный «сволок» (между его верхней плоскостью и потолком оставалось свободное пространство, равное высоте поперечных балок).

В более давних сооружениях полки чаще всего фиксируем на «пороговой» стене (над дверью, между дверью и «лыцэвою» стеной), на «лыцэвий» стене (над предпечным окном), на тыльной стене (за печью или над «полом») (Свирида 1979, 62; Сивак 2003, 148)). Sporadически небольшую полку хозяйственного назначения закрепляли над «полом» на «прычылковий» стене (с. Собачын Олевского р-на Житомирской обл. (Таранушенко 2012, 74 (Фото)). Отметим, что практически все упомянутые полки находились высоко под потолком, нечто ниже «гряд» (при наличии последних).

Самые простые полки («польця», «польца», «полиця», «полка»: Украинское Полесье; «полиця», «палица», «поличка»: Беларусское Полесье; «польця»: Подляшье) представляли собой гладко протесанную (чаще всего сосновую) доску, уложенную на два или больше (в зависимости

Фото 4. Полка в избе кон. XIX в.;
с. Вэлыкэ Вэрбчэ Сарненского р-на Ровенской обл.

от длины полки) вбитые в стену колки («кулкы»). Колки, которые старались изготовлять из твердых пород древесины (Сивак 2003, 148), завершались своеобразными «головками», что предотвращало смещение доски. К внешнему краю полки часто крепили планку (дощечку пошире или поуже), которая предотвращала сдвиг положенных на полку вещей (с. Вэлыки Цэпцэвычи Володимирецкого р-на Ровенской обл.). На Полесье известен и другой (более архаический) конструктивный вариант оборудования такого бортика: его могли изготовлять одновременно с полкой из сплошного куска древесины (с. Радыжэвэ Володимирецкого р-на Ровенской обл.) (Свирида 1979, 58 (Рис. 9)). Иногда передний край полки-доски нечто поднимали, закрепляя колки в стену не горизонтально, а под определенным углом (Сивак 2003, 148). Полки покороче, размещенные при продольных стенах, могли опираться на колки (сс. Вэлыки Цэпцэвычи) или закрепляться к поперечным потолочным балкам (сс. Буки Малинского (Сивак 2003, 148), Запилля Лугинского р-нов Житомирской обл.), частично опираться на прикрепленный к стенам брусок (с. Злобычи Коростенского р-на Житомирской обл. (Сивак 2003, 148) и т. п.

В зависимости от размещения в избе той или иной полки отличались и исполняемые ими функции (Сивак 2003, 148). На запечной полке сушили лучину и дрова, здесь хранили лук, чеснок, семена и т. п. На полке над «полом» лежал мелкий инструмент, некоторый «хатный» инвентарь, зелье и т. п. (Сивак 2003, 148). Сюда также складывали отдельные элементы одежды (шапки, платки, пояса, обувь и др.). Кстати, сходное назначение имела и полка на «прычылковий» стене (над «полом») у беларусов Витебщины (Никифорский 1895, 235). В то же время полки, которые размещались на «пороговий» стене (над дверью, между дверью и «лыцэвою» стенами), а также на «лыцэвий» стене (над предпечным окном), обычно использовались для хранения кухонной утвари (здесь стояли кувшины, миски, лежали ложки и др.). Полка над входной дверью чаще всего использовалась для хранения хлеба (Маневицкий, Любешовский р-ны Волынской обл.). Собственно эти полки исследователи считают наиболее давними (Сивак 2003, 148) и справедливо связывают с начальным этапом эволюции «мысника» (Моздир 2008, 174), который со временем и занял их место.

«Мысник» («судэнь», «польця») в интерьер сельского жилища полещуков (как и украинцев в целом (Моздир 2008, 174) вошел достаточно поздно¹⁰. Скажем, как отмечают ученые, до сред. XIX в. «мысника» как предмета интерьера избы не знали на Западном Полесье (Моздир 2008, 174). Его, как обычно, размещали при пороговой стене по другую сторону от печи. Основу конструкции «мысника» составляли две вертикальные доски, соединенные несколькими полками. Поскольку «мысник» в жилище украинцев исполнял прикладно-репрезентативную функцию (Моздир 2008, 174), его размеры были произвольными и зависели от зажиточности крестьянина (в то же время – от количества посуды, для хранения которой он и предназначался). На Полесье бытовало два типа «мысников»: стационарные – конструктивно соединенные со срубом или лавой (более древние) и мобильные, преи-

¹⁰ Хотя сам термин «мысник», как видно из документов, был широко употребляем в Украине уже в XVI в. Скажем, он фигурирует в описании (1652 г.) Остерского замка на Черниговщине (Приходько 1975, 257). Лексему «мысник» для обозначения «полок для посуды, помещенных на причелковой стене возле самой двери» в сельском жилище юга Левобережного Полесья (Нижинский уезд) отмечают источники 70-х гг. XIX в. (Русов 1899, 153).

Фото 5. «Мысник» открытого типа в избе кон. XIX в.;
 с. Литвыця Дубровицкого р-на Ровенской обл.

мущественно навесные (более нового происхождения) (Сивак 2003, 149).

Как свидетельствуют источники, на значительной территории полесского края еще на рубеже XIX–XX вв. функцию «*мысника*» исполняли одна или несколько полок, размещенных на пороговой стене над дверью или около нее. Это подтверждают материалы кон. XIX – нач. XX вв. из территории Западного (Kraszewski 2000, 10) и Среднего Полесья: «...на стене возле входа висит полочка на посуду» (Frankowski 1914, 166); «Над дверью прибиты одна или две полки, где стоит посуда и др.» (Толмачевъ 1897, 240); «...Раниш [...] На стинци над двэрыма була польця, а ныжчэ збоку ще одна. А як дядько умив зробыты, то й на тры дощэчки зробыть» (с. Новошэпэлычи бывшего Чернобыльского р-на Киевской обл. (Заглада 2001, 472)). Аналогичные соображения высказывают респонденты старших возрастных групп: «*Колысь давно над вхиднымы дверыма вид пэчи до чилнойи стины высила польчка. Потим йийи заминылы польци* (несколько соединенных полок на месте «мысника». – Р. Р.). *Пид польчкою стояв столык*» (с. Рэмчы-

Фото 6. «Мысник» закрытого типа в избе кон. XIX в.;
с. Крычильськ Сарненского р-на Ровенской обл.

ци Сарненского р-на Ровненской обл.); «Над дверима (от печи к лицевой стене. – Р. Р.) була полтыца... пид нєю дэрэвийаний ложнык на ложкы» (с. Любуховычи Сарненского р-на Ровненской обл.); «В старых хатах над порогом полиця на горшкы» (с. Куповэ Дубровицкого р-на Ровненской обл.). Похожее наблюдаем и на Левобережном Полесье (Русов 1899, 148), а также на Слобожанщине, где еще в кон. XIX в. функции «мысника» чаще всего исполняли полки, прикрепленные к стене со стороны двери, а также и над дверью (Моздир 2008, 174). Это же касается и Полесья Беларуси (Сербов 1915, 17; Moszyński 1928, 120).

Наддверная полка обычно охватывала часть пороговой стены от дверного косяка, приближенного к печи, вплоть до стены «лыцэвойи» (с. Вэлыки Цэпцэвычи, Озеро Володимирецкого р-на Ровненской обл.; Дидковычи Коростенского, Копыцэ Олевского р-нов Житомирской обл. и др). То же наблюдаем и на иллюстрации, которая представляет интерьер жилища из Подляшья (1867 г.) (Moszyński 1929, 508 (Рус. 454)). Ниже нее, между дверью и пороговой стеной, закрепляли одну (с. Вэлыки Цэпцэвычи Володимирецкого, Копыцэ Олевского р-нов, Речицкое Полесье (Moszyński 1928, 120)), две (с. Блажовэ Рокитновского р-на Ровненской обл. (Верговський 2012, 157 (Рис. 1), 159 (Рис. 2)) или три (с. Дольск Любешовского р-на Волынской обл.) доски-полки, размещая их одна над другой. Кстати, три такие доски-полки присутствуют в интерьере избы из бывшего Радомышльского уезда на рисунке Доминика Пьера Деля Флиза (сред. XIX в.) (IP ЦНБ, 15). Собственно, несколько таких досок-полок и образовывали самый простой стационарный «мысник» («судэнь»), характерный как для северных районов Правобережного, так и для Левобережного Полесья (Свирида 1979, 62; Русов 1899, 148, 153).

Под полками, при «пороговий» стене, обычно устанавливали небольших размеров лаву (с. Вэлыки Цэпцэвычи) или мобильный стульчик («воднык» «водник»), на котором стояло ведро с водой. В интерьере сельского жилища пер. пол. XIX в. (1845 г.) Брянско-Жиздринского Полесья (Суражский уезд бывшей Черниговской губернии) место этой лавы мог занимать «судэнь», который представлял собой «разновидность сундука или ящика, над которым оборудуют полки» (Русов 1899, 148). На Подляшье (еще в избах пер. пол. – сред. XIX в.) тут мог

находиться небольшой шкаф. К примеру, на изображении (1867 г.) интерьера надбужской хаты из бывшей Седлецкой губернии над дверью к лицевой стене избы тянется полка, на которой стоят кувшины, а под ней – разновидность невысокого шкафа с двумя дверцами (Moszyński 1929, 522 (Rys. 454). Украинский писатель Иван Нечуй-Лэвыцький в 70-х гг. XIX в. в интерьере подляских хат (ныне Белоподляское воеводство; Польша) тоже отмечал «*польцю для мысок*», под которой стояла «*шафка*» (Нечуй-Левицький 1995, 62–74).

Иллюстрацией дальнейшего усовершенствования этого элемента интерьера можно считать «*польцю*», зафиксированную нами в с. Литвыця Дубровицкого р-на Ровненской обл. В данном случае это три полки, установленные на горизонтальные деревянные бруски, прикрепленные к лицевой стене и (с противоположной стороны) к вертикальной доске. Крепление таких полок часто осуществляли по-другому: их концы загоняли в горизонтальные пазы торцевой доски и соответственной стены (с. Рудня-Базарська Народицкого р-на Житомирской обл.) (Сивак 2003, 149–150). Часто торцевая доска связывала «*мысник*» с полкой над дверью (с. Дидковичи Коростенского р-на Житомирской обл.) (Свирида 1979, 61 (Рис.), 62), а снизу она могла доходить к самому полу (с. Рудня-Базарська Народицкого (Сивак 2003, 150), Барды Коростенского р-нов Житомирской обл. (Свирида 1979, 58); Пидгайнэ Иванковского р-на Киевской обл.) или почти к полу (Барды, Мэжыричка Коростенского, Лэвковичи Овручского р-нов Житомирской обл. (Свирида 1979, 58)). Она также могла опираться на лаву (размещенную при «*пороговий*» сене) или быть с ней конструктивно связанной (с. Дидковичи). На юге Среднего Полесья эту доску часто украшали профильными вырезами (сс. Барды, Мэжыричка Коростенского, Лэвковичи Овручского р-нов Житомирской обл. (Свирида 1979, 58); Пидгайнэ Иванковского р-на Киевской обл.) и называли «*конык*» (Свирида 1979, 62). Как считают исследователи, название «*конык*» связано с тем, что в прошлом эти вырезы были выполнены в форме головы коня. Это подтверждают и материалы из бывшего Остерского уезда, где рядом с более новыми стилизованными вырезами в старых избах встречались вырезы в форме головы коня (Шульгина 1929, 117–122). Кстати, «*мысники*» с боковыми досками, которые завершались вырезанным силуэтом конской головы,

известны также на Среднем Приднепровье, в частности, на Полтавщине (Моздир 2008, 174). Иногда со стороны стены «мысник» имел вторую торцевую доску, которая опиралась на лаву (с. Обыходы Коростенского р-на Житомирской обл.) или даже была конструктивно с ней связана (с. Калынивка Коростенского р-на Житомирской обл.) (Сивак 2003, 133). Систему таких полок полещуки называли «судэнь», «мысник», а часто и просто «польця». Во многих случаях нижнюю полку приспособляли для хранения деревянных ложек: для этого в ней оборудовали соответствующие отверстия. Однако достаточно часто к стене крепили специальный отдельный «ложнык» («ложэчнык», «заложныцю») (Свирида 1979, 62).

Навесные «мысники» распространились на Полесье достаточно поздно (в результате влияния городов или более южных районов): на основной территории – не раньше кон. XIX – пер. четв. XX вв. Как отмечала украинская исследовательница Нина Загладакасаемо с. Новошэпэлычи (бывший Чернобыльский р-н Киевской обл.; ныне – «Зона отчуждения»): «Раниш и шаф нэ було... З Чорнобыля почалы прывозыты шафы высячи, вишалы йих коло двэрэй и по ным робылы наши майстры. За рэволюцию покупав дэхто з багатшых и стоячы шафы» (Заглада 2001, 472). Самый простой навесной «мысник» состоял из двух вертикальных досок, к которым крепили несколько горизонтальных полок (реже – 2–3, чаще – 4–5) (Гвоздевич 2006, 512; Сивак 2003, 149–150). Например, в с. Рэмчыцы Сарненского р-на Ровненской обл. – их четыре. Случалось, что в нижней полке оборудовали «ложнык» (с. Бэрэзнэ Рокитновского р-на Ровненской обл.). К передним торцам досок могли крепить своеобразные планки-«лыштвы», которые предотвращали сдвигание вещей. В тех случаях, когда ширина навесного «мысника» была больше высоты, по вертикали его разделяли доской на две части (Сивак 2003, 150). Подвешивали «мысники» на деревянных колках или металлических крючках. Случалось, что нижнюю (сс. Горынь, Вэлыка Рача, Чудын, Иванивка, Буки, Калэнскэ), боковую (с. Обыходы Коростенского р-на Житомирской обл.) или и нижнюю, и боковую части «мысника» оборудовали дверцами (Гвоздевич 2006, 512; Сивак 2003, 151). В 1930-тые годы распространились полностью закрытые «мысники» с двумя-тре-

мя одно- (с. Сошычнэ Камень-Каширского р-на Волынской обл.) или двухстворчатыми (с. Топильня Лугинского р-на Житомирской обл.) дверцами. Однако такие «мысники» (с деревянными или стеклянными дверцами), которые называли «буфэтамы» («шахвочкамы»), более широкое распространение приобрели на Полесье лишь в 50–60 гг. XX в. (Сивак 2003, 151; Гвоздевич 2006, 512). Приблизительно в это время распространились и так называемые «мысники»-шкафы («буфэт», «посудна шафа», «шахва на посуд», «шахва»), в которых «мысник» опирался на своеобразный шкаф, который стоял на полу (Сивак 2003, 152–153).

Отдельные разновидности полок были связаны с профессиональной деятельностью полещуков. Скажем, в домах сельских гончаров были оборудованы специальные полки («пйатра»), размещенные высоко под потолком жилой камеры: на них свежизготовленные кувшины подвергались первичной просушке (с. Ныгивци Заричненского р-на Ровненской обл.). Такие полки (над всей пороговой стеной и над тыльной – над «полом») наблюдаем в доме гончара из с. Городно бывшего Столинского уезда (Dmochowski 1937, 198 (Rys. 112)).

Таким образом, изложенный материал дает возможность в общих чертах проследить отдельные этапы эволюции посудного шкафа («мысника») в полесском жилище. Сперва его функции исполняла система конструктивно связанных со стенами «гряд» (колод или брусьев), на которые при потребности в соответственных местах укладывали жерди. Постепенно «гряды»-колоды или «гряды»-брусья трансформировались в достаточно широкие «гряды»-полки. От местоположения в избе той или иной полки зависели функции, которые они исполняли. Полки, находящиеся на пороговой стене (над дверью, между дверью и лицевой стеной) и на лицевой стене (над предпечным окном), которые обычно использовались для хранения кухонной утвари, были одними из самых давних. Собственно, с ними и связан первичный этап эволюции посудного шкафа (который впоследствии и занял их место). «Мысник» («судэнь», «польця») в интерьере сельского жилища полещуков вошел достаточно поздно: еще на рубеже XIX–XX вв. его функцию исполняли одна или несколько полок, размещенных на пороговой стене над дверью и возле нее. В процессе дальнейшего усовершенствования полки соединяют одной, а со временем и двумя

торцевыми досками, которые часто конструктивно соединены со стенами или с лавой. Таким образом возникают стационарные «мысники». Мобильные, преимущественно навесные, «мысники» распространились на Полесье достаточно поздно: на основной территории – не раньше кон. XIX – пер. четв. XX вв.

Литература

- ІР ЦНБ – Інститут рукописів ЦНБ ім. В. І. Вернадського НАН України, ф. 301 (ДА), № 206 п., 154 арк.
- Аулих 1963 – В. В. Аулих. Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской обл. *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 108, 370–387. Москва.
- Баран 1991 – В. Д. Баран, Д. Н. Козак, Р. В. Терпиловський. *Походження слов'ян*. Київ: Наукова думка.
- Баран 1988 – В. Д. Баран. *Пражская культура Поднестровья*. Київ: Наукова думка.
- Верговський 2012 – Сергій Верговський. Дослідження давнього житла Полісся. *Архітектурна спадщина Волині: Збірник наукових праць*. Наук. ред. П. А. Ричкова. Вип. 3, 156–161. Рівне: ПП ДМ.
- Гвоздевич 2006 – Стефанія Гвоздевич. Народне меблярство Чорнобильщини другої пол. XIX ст. (за матеріалами експедицій 1998–99 рр.). *Народознавчі Зошити*. № 3–4, 509–515. Львів.
- Гудченко 1997 – Зоя Гудченко. Забудова сіл Чорнобильщини (за спогадами місцевого населення). *Полісся України: Матеріали історико-етнографічного дослідження*. Вип. 1: Київське Полісся. 1994, 299–307. Львів: ІН НАН України.
- Гурков 1988 – В. С. Гурков, Р. Ю. Гошко. Поселення. *Полесьє. Матеріальна культура*, 279–333. Київ: Наук. думка.
- Данилюк 2001 – А. Г. Данилюк. *Традиційна архітектура регіонів України: Полісся*. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Ів. Франка.
- Данилюк 2002 – Архип Данилюк. *Народна архітектура Волинського Полісся*. Рівне: Волинські обереги.
- Ефименко 1948 – П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. *Материалы и исследования по археологии СССР*. Т. 8, 28–80. Москва.
- Заглада 2001 – Ніна Заглада. Из звіту етнографічної експедиції 1934 р. [Упоряд., прим., «Остання експедиція Ніни Заглади. Замість післямови» М. Глушка]. *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. Т. ССХLII: Праці Секції етнографії і фольклористики, 443–505. Львів.
- Зеленин 1914 – Д. К. Зеленин. *Описание рукописей ученаго архива Императорскаго русскаго географическаго общества*. Вип. I. Петроградъ: Типографія: А. В. Орлова.
- Кіщук 1983 – Т. П. Кіщук. Інтер'єр житла. *Бойківщина: історико-етнографічне дослідження*, 166–169. Київ: Наукова думка.
- Киркор 1882 – Адам Киркор. Литовское Полѣсье. Белорусское Полѣсье. *Живописная Россія (Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи)*. Под общей редакцией П. П. Семенова. Т. 3. Ч. 1–2. С.-Петербургъ–Москва: Изданіе книгопродавца-типографа М. О. Вольфа.

- Косичь 1906 – М. Н. Косичь. О постройкахъ бѣлорускаго крестьянина Черниговской губ., Мглинскаго уѣзда: села Росухи, деревни Бородинки и Амелькина хутора. *Живая старина*. Вып. 1, 74–98. С. Петербургъ: Тип. М. П.
- Локотко 1991 – Анатолий Локотко. *Белорусское народное зодчество (середина XIX–XX в.)*. Минск: Навука і тэхніка.
- Миронов 1987 – В. В. Миронов, В. В. Наулко, Т. В. Космина. Украинцы. *Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры*, 101–146. Москва: Наука.
- Моздир 2008 – Микола Моздир. Народні меблі в Україні. Генезис. Еволюція форм. *Народознавчі Зошити*. № 1–2, 160–183. Львів.
- Москаленко 1965 – А. Н. Маскаленко. *Городище Титчиха*. Воронеж.
- Мошков 2012 – [В. А. Мошков]. Село Большие Цѣпцѣвичи. Упоряд. А. Українець. *Західне Полісся: історія та культура*. Вип. IV, 182–188. Рівне: Видавець О. Зень.
- Нечуй-Левицький 1995 – Иван Нечуй-Левицький. Мандрівка на українське Підлясся. *Пам'ятки України*. № 3, 71–79. Київ.
- Никифорский 1895 – Н. Я. Никифорский. *Очерки протонароднаго життя–быття въ Витебской Бѣлорусіи и описаніе предметовъ обиходности*. Витебскъ: Губернская типографія.
- Оляничин 1937 – Домет Оляничин. Опис подорожі шведського посла на Україну 1656–1657 р. *Записки наукового товариства ім. Шевченка*; за ред. Івана Крип'якевича. Т. СЛІV: Праці історично-філософичної секції, 41–69. Львів.
- Петрашенко 2005 – В. О. Петрашенко. Архітектура поселень у слов'янський та давньоруський час. VIII–XIII ст. *Давні поселення України*, 115–160. Київ.
- Приходько 1975 – Н. П. Приходько. Некоторые вопросы истории жилища на Украине. *Древнее жилище народов Восточной Европы*, 245–275. Москва: Наука.
- Раппопорт 1975 – П. А. Раппопорт. Древнерусское жилище. *Археология СССР*. (Свод археологических источников. Е1–32). Ленинград: Наука (Ленинградское отделение).
- Русов 1899 – Александр Русов. *Описание Черниговской губернии*. Т. 2. Чернигов: Типографія Губернского Земства.
- Свирида 1979 – Раїса Свирида. Обладнання традиційного житла Правобережного Полісся. *Народна творчість та етнографія*. № 3, 56–63. Київ.
- Свирида 2012 – Раїса Свирида. З етнографічних досліджень Володимирецького р-ну у 70-і рр. ХХ ст. *Західне Полісся: історія та культура*. Вип. IV, 72–81. Рівне: Вид. О. Зень.
- Сербов 1912 – Исак Сербов. По Дереговичской области лѣтом 1911 г. *Повѣзки по Польсю 1911 и 1912 года*. Вильна: Типографія Юсифа Завадзкага.
- Сербов 1915 – Исак Сербов. Бѣлоруссы–сакуны: Краткій этнографическій очеркъ. *Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ*. Т. ХСІV, 180 с. Петроградъ: Топографія императорской академіи наукъ.
- Сергеева 1999 – Марина Сергеева. Формування інтер'єру середньовічного житла. *Україні: історико-етнографічна монографія у двох книгах*. Кн. 2, 65–74. Опішне: Вид-во Державного музею-заповідника українського гончарства в Опішному «Українське Народознавство».
- Сивак 2003 – Василь Сивак. Інтер'єр поліського житла. *Полісся України: матеріали історико-етнографічного дослідження*. Вип. 3, 125–166. Львів: Інститут народознавства НАН України.

- Таранушенко 2012 – Стефан Таранушенко. *Постройки украинского Полесья. Хаты, стебки, клуни*. Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы.
- Таранушенко 1969 – Стефан Таранушенко. Давнє поліське житло. *Народна творчість та етнографія*. № 1, 8–23. Київ.
- Толмачевъ 1897 – И. Н. Толмачевъ. *Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Восточное Польсье*. Т. 1. Киевъ: Типографія Штаба Кіевскаго Военнаго округа.
- Филипчук 2012 – Михайло Филипчук. *Слов'янські поселення VIII–X ст. в українсько-му Прикарпатті*. Львів: Вид-во «Астролябія».
- Харузинъ 1907 – Ал. Харузинъ. *Славянское жилище въ Северо-Западномъ краѣ: Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ*. Вильна: [Б. в.].
- Чубинский 1877 – Павло Чубинский. Малороссы Юго-Западного края: жилище, утварь, хозяйственные постройки и орудия. *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Русским Географическим обществом Юго-Западного отдела*. Т. 7. Вып. 2, 339–606. СПб.
- Шейнъ 1903 – Петр Шейнъ. Матеріали для изученія быта і языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. *Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*. Т. 3. Вып. 72. Санктпетербург.
- Шульгина 1929 – Л. Шульгина. «Коник». Прикраса на форму кінської голови та занепад її орнаментальної форми (Матеріяли з с. Жукотинь, Остерського пов. на Чернігівщині). *Матеріяли до української етнології*. Т. XXI–XXII. Ч. I, 117–130. Львів.
- Dmochowski 1937 – Zbigniew Dmochowski. Ze studiów nad poleskim budownictwem drzewnym. *Biuletyn historii sztuki i kultury*. R. V, 165–217. Warszawa.
- Dmochowski 1934–35 – Zbigniew Dmochowski. Sprawozdanie ze studiów nad poleskim budownictwem drzewnym. *Biuletyn historii sztuki i kultury*. R. 3, 331–334. Warszawa.
- Frankowski 1914 – Eugeniusz Frankowski. Z Polesia Wołyńskiego. *Ziemia*. Rok V, Nr. 11, 165–168. Warszawa-Lwów.
- Kraszewski 2000 – Józef Ignacy Kraszewski. *Wspomnienia Wołynia Polesia i Litwy*. Gdańsk: Copyright by Tower Press.
- Moszyński 1928 – Kazimierz Moszyński. *Polesie wschodnie*. Warszawa: Wydawnictwo kasy im. Mianowskiego.
- Moszyński 1929 – Kazimierz Moszyński. *Kultura ludowa słowian*. Cz. 1: Kultura materjalna. Kraków.
- Stecki 1864 – Tadeusz Jerze Stecki. *Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym*. T. 1. Cz. 1. Lwów: Druk i nakład zakładu nar. Im. Ossolińskich.

Roman Radovych

POLISSIA'S DWELLINGS INTERIOR
DEVELOPMENT: EVOLUTION OF «MYSNYK»
(CUPBOARD)

Summary

In the article, separate stages of the evolution of the cupboard («mysnyk») in the Polissia dwelling are considered. It was established that at first its functions were performed by a system structurally connected with a log-house «hriad» (decks or beams), which were gradually transformed into «hriady»-shelves. The shelves placed on the threshold and facial walls were one of the oldest, and the initial stage of the genesis of «myshynyk», which later took their place, is connected with them. At Polissia two types of «myshynyk» has been developed: stationary – structurally associated with a log-house or «lava» (older), and mobile, mostly hinged (of a new origin).